

УДК 94 (47)
DOI: 10.17223/19988613/56/4

П.К. Дашковский, Е.А. Шершнева

ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН АЛТАЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/6.4).

Рассматривается положение мусульманских общин Алтае в первое десятилетие советской власти. На основе анализа архивных материалов и законодательных документов показано, что политика новой власти в отношении религиозной и культурной жизни мусульманских народов носила сложный и порой противоречивый характер. С одной стороны, новое государство на начальном этапе своего становления принимало законы, которые разрешали определенную свободу совести. С другой стороны, органы государственной власти целиком контролировали деятельность религиозных общин, в том числе мусульманских, что выражалось даже в назначении дат и повестки собраний верующих, ответственных за мероприятие и т.д. Система мусульманского образования также не осталась в стороне от вмешательства со стороны государства. Укрепление советской власти в 1920-е гг., привело к полному подчинению мусульманских общин государству и лишению их свободы вероисповедания.

Ключевые слова: мусульманские общины; государственная политика; Западная Сибирь; Алтай.

В начале XX в. Российское государство пережило сильные политические изменения, которые не могли не отразиться на этнорелигиозных процессах. Поскольку Россия исторически сформировалась как полиэтническое государство, то в этой связи национальный вопрос всегда занимал важное место в государственной политике. При этом этнический аспект очень тесно переплетался с религиозными процессами, протекавшими в стране. В данном случае вполне понятно, что советское правительство видело одной из своих задач, на начальной стадии формирования нового государства, установление лояльных отношений с разными народами России. Особое внимание со стороны государства уделялось именно народам, исповедующим ислам. Эта религия, в силу исторически сложившихся условий, занимала одно из ведущих положений в поликонфессиональном государстве. Данное обстоятельство закономерно сказывалось на необходимости выработки особой государственной политики в отношении мусульман Западной Сибири как в имперский [1. Р. 338–346], так и в советский периоды. В этой связи большое значение имеет изучение реализации такой политики в различных регионах советского государства, в том числе и на Алтае. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории бывшей Алтайской губернии (вошедшей к этому времени в Сибирский край) мусульманское население составляло 26 625 человек. При этом оно было представлено преимущественно татарским и казахским населением. Однако встречались и представители турецкой, бухарской, башкирской и других этнических групп [2].

Следует отметить, что, начиная с 1917 г. мусульманская умма России стала занимать все более активное положение в общественной жизни страны. В этой связи не случайно уже в мае 1917 г. прошел Всерос-

сийский мусульманский съезд [3. С. 56], на котором представители мусульманской общины стремились определить свое место в новой политической системе управления государством, формирующийся после свержения монархии. Не остался без внимания и вопрос внутреннего устройства самой мусульманской организации. Впервые в истории существования Оренбургского магометанского духовного собрания на данном съезде состоялись альтернативные выборы муфтия. В результате проведенных выборов главой мусульманской общины России стал Галимджан Баруди, являющийся ярким представителем движения джадидизма. Данный факт в последующем сыграл важную роль во взаимодействии мусульман с органами государственной власти [4]. В годы советской власти в сфере государственно-конфессиональных отношений проходили неоднозначные процессы. В частности, правительство активно привлекало к работе с мусульманским населением кадры, разделяющие идеи джадидизма. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в 1917 г. Комиссариат по делам мусульман внутренней России при Наркомнаце возглавил бывший учитель джадид М.Х. Султан-Галиев [5].

Получив определенную свободу со стороны государства после Февральской революции 1917 г., никто не мог даже предположить, что в скором времени новое правительство большевиков начнет политику активного вмешательства в культурные и религиозные дела мусульманских народов. Примечательно, что первоначально правительство большевиков публикует «Декларацию прав народов России» от 2 ноября 1917 г. и обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 г. В этих документах провозглашается новый курс государственной власти, направленный на сотрудничество

и взаимное уважение с мусульманскими народами страны [6, 7]. Советское правительство в первые годы установления власти видело союзников в части мусульманской общин, прогрессивно настроенной и способной поддержать новое правительство. Советское руководство особое внимание обращало на лояльное отношение мусульманского населения к новой власти. При этом уклад жизни и быт мусульманских народов в меньшей степени интересовали государственную власть. В тот период для органов власти само наименование «мусульмане» и «мусульманский этнос» не всегда имели только конфессиональный оттенок, а были обозначением этносоциальной группы. Религиозный признак в первые годы советской власти зачастую оставался, как и в имперский период, критерием этнической идентичности народов [8].

Начиная с 1918 г. Центральное духовное управление мусульман, ставшее приемником Оренбургского магометанского духовного собрания и включившее под свою юрисдикцию территорию Внутренней России, Сибири и Казахстана, превращается в единственную общенациональную структуру. Начиная с 1918 г. перед советским правительством встает задача организации жизни народов, населяющих Россию. В результате этого 17 января 1918 г. был опубликован Декрет, установивший «Комиссариат по делам мусульман Внутренней России». Согласно данному документу при Наркомнаце был учрежден Центральный комиссариат по делам мусульман Внутренней России и Сибири (Муском) [9. С. 42]. В обязанности данного органа входила организация жизни мусульманских народов в Советском государстве. В рамках создания нового государства особое внимание уделяли национальным вопросам, частью которых был и вопрос интеграции мусульманских народов в единый, теперь уже советский народ. Центральное духовное управление мусульман, напротив, при этом являлось символом национальной самоидентификации и сплочения мусульманских народов России [10].

В период 20–30-х гг. XX в. советским правительством предпринимались меры по ассимиляции так называемых малочисленных народов. Особое внимание уделялось азиатским этническим группам. Однако такие попытки государства, как правило, не имели особого успеха, о чем свидетельствовали незначительное число смешанных браков, а также сохранение приверженности к родным языкам. Дело в том, что европейско-азиатские культурные, религиозные, национальные различия сложились давно, а активные экономические и культурные контакты между ними начались в больших городах Средней Азии, Казахстана и Закавказья лишь в 20-х гг. XX в. [11].

Важно подчеркнуть, что работе среди национальных меньшинств способствовали созданные в 1920-е гг. отделы по делам национальностей. Так, согласно Постановлению СНК РСФСР от 30 октября 1920 г. и циркулярному предписанию ВЦИК от 25 ноября 1920 г., предписывалось учреждать на местах отделы по делам

национальностей в губерниях и уездах на правах отделов исполнительных комитетов. Данные процессы напрямую касались и народов Алтая. В результате 9 декабря 1920 г. был создан Алтайский губернский отдел по делам национальностей [12. Л. 3; 13. Л. 75]. В обязанности этого отдела входило расширение сети данной государственной структуры на территории губернии. Отдел обязан был собрать статистические данные о населении, проживающем в губернии, а также заниматься вопросами эвакуации и устройством детей, прибывающих из голодающих регионов. Еще одной важной задачей, стоящей перед отделом по делам национальностей, стала ликвидация неграмотности среди национальных меньшинств [14. Л. 108]. Окончательная структура данного государственного органа оформилась только к апрелю 1921 г. и состояла из ряда подотделов: общего, организационно-инструкторского, информационного, литературно-издательского, национального. Национальный отдел был в свою очередь разделен на 9 подотделов: алтайский, украинский, мордовский, татаро-киргизский, чувашский, немецкий, латышский, эстонский, польский. В 1921 г. отдел был слит с советом по просвещению национальных меньшинств губернского отдела народного образования с сохранением названия «Алтгубнацотдел». Интересно отметить, что в 1921 г. национальные меньшинства алтайского губернского отдела заполнили анкетный лист по Бийскому уезду Алтайской губернии. В результате анкетирования этнический состав выглядел следующим образом: алтайцы – 7 616; киргизы (казахи) – 334; телеуты – 5; шорцы – 1 280; кумандинцы – 4 709; украинцы – 4 026; латыши – 401; эстонцы – 112; татары мусульмане – 4 567; чувашы – 387; мордва – 3 662; другие национальности – 443. Кроме того, Алтгубнацотдел запросил Бийский подотдел национальных меньшинств данные о существовании в его структуре двух секций – секции просвещения алтайских племен и секции (общей) просвещения малочисленных национальностей, а также сведения о национальных школах [15. Л. 4–4 об.].

Нужно обратить внимание на то, что религиозная политика Советского государства на начальном этапе в отношении мусульманских народов зачастую носила сугубо дифференцированный характер, что мало ее отличало от имперской политики второй половины XIX – начала XX в. С одной стороны, правительство стремилось максимально обеспечить свободу мусульманских народов Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья [16. С. 127]. С другой стороны, основная масса мусульманского населения внутренней части страны во многом рассматривалась государством с точки зрения включенности в новую социокультурную общность, «советский народ».

В 1920 г. прошел I Всероссийский съезд мусульманского духовенства, где произошло структурирование Центрального духовного управления мусульман. О признании государственной властью такого органа, как Центральное духовное управление мусульман, сви-

детельствует утвержденный 30 ноября 1923 г. НКВД РСФСР его Устав. Согласно принятому документу, орган духовного управления мусульман распространял свои полномочия на Татарскую, Башкирскую, Киргизскую (Казахскую), Украинскую республики, Чувашскую, Калмыцкую, Вотскую автономные области, внутренние районы Поволжья и Сибири. По Уставу Центральное духовное управление мусульман полностью контролировалось в своей деятельности государством. Все действия, а именно открытие приходов, организация учебных заведений, да и просто ведение метрических книг согласовывались с органами власти [10, 17].

Стремясь продемонстрировать свою лояльность к религиозным организациям, нарком НКВД М. Поляков направил всем губернским отделам ГПУ под грифом «Секретно» директиву от 12 марта 1923 г. Согласно данному документу, запрещалось вторгаться в молитвенные учреждения во время религиозных собраний, даже если они не зарегистрированы. Кроме того, во время совершения религиозных обрядов не рекомендовалось их прерывать до окончания, и только в случае самой крайней необходимости разрешалось прекращать эти мероприятия [18. Л. 7].

Несмотря на лояльность советского правительства в отношении мусульманских народов, первые годы советской власти стали одновременно и весьма тяжелыми для мусульманской общественности. Еще в 1918 г. Центральное духовное управление мусульман оказалось между двух сил – большевиками и Сибирским правительством адмирала А.В. Колчака. Это не могло не сказаться на дальнейшем положении мусульманских общин Сибири [3. С. 56].

До середины 1920-х гг. крупных антирелигиозных акций против ислама в стране не предпринималось. В этот период правительство стремилось максимально показать лояльность в отношении мусульманских общин. Об этом, например, свидетельствует то, что в 1926 г. было разрешено делегации из СССР принять участие в I Всемирном конгрессе мусульман в Саудовскую Аравию [10]. Со второй половины 1920-х гг. ощутив свою мощь, советское правительство берет курс на подавление любого религиозного мировоззрения, и мусульмане в этом случае не стали исключением. Правительство не видело уже потребности в поддержке со стороны мусульманских лидеров. Напротив, наиболее прогрессивные мусульманские лидеры начинают рассматриваться как угроза советской власти. С 1927 г. начинают закрываться медресе, меняются программы национального школьного образования (за основу берется атеистическое воспитание подрастающего поколения), закрываются и уничтожаются мечети [19].

Следует подчеркнуть, что постепенно государство начинает предпринимать все более активные меры по учету, а в дальнейшем и контролю за религиозными объединениями. Согласно инструкции НКВД и НКЮ 1923 г. в Алтайской губернии в трехмесячный срок должны были быть зарегистрированы все религиозные

организации. Однако было отмечено, что данное предписание вышестоящих органов было нарушено. При этом отмечалось и то, что вины самих религиозных организаций в этом не было. Это связано с тем, что представленные для регистрации материалы в региональные государственные органы, а именно в Губернский административный отдел, были переданы не полностью и составлены не по формам, предписанным в инструкциях. Губернский административный отдел был вынужден неоднократно их возвращать для дополнения, что создавало определенную волокиту и задерживало сроки подачи информации. В результате такой задержки, согласно Бюллетеню НКВД от 23 июля 1924 г. за № 26, срок регистрации религиозных общин был продлен до 1 ноября 1924 г. Специальным циркулярным распоряжением ВЦИК было прописано, что религиозное общество не может быть закрыто по мотивам неисполнения административных распоряжений по регистрации.

Следует отметить, что в архивных документах так же содержатся упоминания о том, что административный отдел считал необходимым объявить льготную регистрацию религиозных обществ, ранее не зарегистрированного, а также провести проверку культового имущества во всех без исключения общинах. При этом устанавливался точный срок проведения таких мероприятий – до 1 января 1925 г.» [20. Л. 15]. Аналогичные тенденции отмечены и в других регионах Западной Сибири [21. С. 183]. Для того чтобы регистрация была более успешной, предполагалось предоставить бланки, необходимые для регистрации. Срок регистрации религиозных организаций был установлен постановлением ВЦИК. При этом расходы, затраченные на изготовление бланков, следовало, согласно распоряжению Центрального исполнительного комитета, взыскать с религиозных организаций [20. Л. 14 об.–15]. Кроме того, прописывалось и то, что если религиозная община не пройдет регистрацию в установленный срок, то ее следует распустить, а культовое имущество передать другому обществу того же религиозного типа. Нужно подчеркнуть, что указанные меры могли применяться к религиозным организациям, не прошедшим регистрацию только по своей вине. Если срок был пропущен по техническим причинам государственного органа, то срок регистрации должен был быть продлен, так как установлен он не для администрации, а для общества. Государственными органами уточнялось, что подобного рода меры не должны носить массовый характер и допускаются только в редких случаях с учетом рассмотрения конкретных причин пропуска срока регистрации религиозным обществом [Там же. Л. 15].

В мае 1923 г. правительство в рамках мер, предпринимавших по установлению контроля за религиозными общинами, под грифом «секретно» направило предписание Бийскому, Барнаульскому, Рубцовскому, Алтайскому Уполномоченному губернского исполкома. В нем указывалось, что на основании указаний центральных учреждений Отделу Управления Алтайского

губернского исполкома нужно принять к неуклонному руководству следующие принципы. Во-первых, категорически запрещались закрытие или ликвидация храмов, молитвенных домов и т.п. всех культов и передача их для других целей без специального на то постановления Президиума губернского исполкома. Во-вторых, госучреждения и представители власти ни в коем случае не должны были вмешиваться во внутренние дела религиозных объединений. В-третьих, государственным органам было предоставлено право наблюдать за сохранностью культового имущества и надлежащем его использовании. При этом представители власти не должны вмешиваться в борьбу между церковными общинами и не покровительствовать никаким религиозным течениям. В-четвертых, при наличии законных поводов к расторжению заключенных договоров, молитвенные дома и храмы необходимо закрепить по договору за наиболее прогрессивными течениями. Кроме того, допускалось, что молитвенные собрания в количестве менее 20 человек могут проходить в частных квартирах, если такие мероприятия происходят без нарушения интересов других граждан и не представляли никакой опасности. При этом инициаторы данных собраний обязаны были заблаговременно извещать надлежащие органы власти о времени и месте собрания [22. Л. 9].

В результате проводимых мер по учету религиозных объединений на территории Алтайской губернии были выявлены мусульманские общины в Бийске и Барнауле. Об этом наглядно свидетельствует список верующих и членов исполнительного органа, зарегистрированной мусульманской общины г. Бийска, направленный под грифом «секретно» от 3 ноября 1924 г. в Гупотдел ГПУ Административным отделом ГИК [20. Л. 21]. Начальник административного отдела исполнительного комитета Алтайского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в соответствии с предписанием о разрешении религиозных собраний сообщал под грифом «секретно» в губернский отдел ГПУ начальнику 2-го отделения городской милиции о том, что мусульманской группе г. Барнаула дано разрешение на совершение религиозных обрядов. Данное мероприятие разрешалось проводить в помещении по следующему адресу: берег р. Оби между Анатолия и Никитинской улицами № 1. При этом устанавливались четкие сроки для проведения собрания в течение 1 месяца – с 24 марта по 24 апреля 1925 г. Ответственным за собрание верующих был утвержден уполномоченный группы мусульман Б. Сиразин, проживавший на ул. Анатолия. Кроме того, четко устанавливался количественный состав для проведения собрания – не более 30 человек. Такое разрешение было дано после рассмотрения заявления, поступившее от группы мусульман в марте 1925 г. [Там же. Л. 104]. Однако собрание верующих мусульман было, очевидно, перенесено по инициативе органов государственной власти. Об этом свидетельствуют следующие архивные данные. В частности, в губернский

подотдел ГПУ под грифом «секретно» было предано заявление мусульманской общины г. Барнаула от 28 апреля 1925 г. о разрешении общего собрания, на основании которого административный отдел Алтайского губернского исполкома просит дать свое заключение по этому заявлению. В свою очередь на полученный запрос административный отдел Алтайского губернского исполкома сообщал, что группе верующих мусульман г. Барнаула дано разрешение на созыв общего собрания 10 мая 1925 г. взамен ранее просимой даты, в помещение дома № 49 на ул. Анатолия. Ответственным за данное мероприятие был назначен уполномоченный Б. Сиразин. При этом указывалось, какие конкретно вопросы планировалось обсуждать: выборы общины, муллы, текущие вопросы. Кроме того, сообщалось, что мусульманской группой г. Барнаула 29 апреля 1925 г. было подано заявление в административный отдел Алтайского губернского исполкома о разрешении провести общее собрание мусульманской общины г. Барнаула в воскресенье 3 мая 1925 г. по адресу ул. Анатолия дом 51. Административный отдел Алтайского губернского исполкома, возвращая заявление мусульманской группы верующих г. Барнаула, отметил, что никаких препятствий на совершение собрания не видит [20. Л. 158–162]. Однако, как можно увидеть из документов, сама дата собрания была перенесена без явных на то причин.

Сведения о второй мусульманской общине, действующей на территории г. Барнаула, Административный отдел Губернского исполкома сообщает также под грифом «секретно». В данном документе указывалось, что мусульманской группе из восточной части города даны разрешения на совершения религиозных обрядов в помещение по адресу жилой комплекс «Город-сад» (восточная часть) № 62. Ответственность за проведение мероприятия закреплялась за уполномоченным группы верующих Г. Газеевым, проживавшего в том же микрорайоне. При этом также четко регламентировалось количество молящихся – до 30 человек [Там же. Л. 105].

Вполне очевидно, что государственные органы уделяли особенно пристальное внимание деятельности мусульманских общин. На каждое собрание представители общины должны были заблаговременно подать заявление в губернский отдел ГПУ. При этом, как видно из вышеприведенных данных, все собрания проходили по определенному адресу, обязательно назначался ответственный, а также устанавливалось конкретное количество молящихся.

Показывая свою лояльность к мусульманским общинам, административный отдел Алтайского губернского исполкома сообщает, что верующим мусульманам, проживающим в жилом комплексе «Город-сад» (восточная часть), разрешено провести религиозное собрание. Мероприятие разрешалось провести 10 мая 1925 г. в помещении мусульманской школы жилого комплекса «Город-сад». Ответственным за проведение собрания назначался представитель мусульманской

общины Г. Газеев. На собрании предполагалось обсудить различные аспекты организации и функционирования мусульманской общины г. Барнаула [20. Л. 175].

В то же время следует отметить, что государственные органы не всегда принимали решение в пользу мусульманских общин. Так, в Губисполком 3 августа 1923 г. было подано ходатайство о возвращении мусульманской общине для религиозных нужд молитвенного дома по адресу ул. Советская, дом 16. Здание молитвенного дома было муниципализировано и в нем разместили школу и библиотеку. Однако ходатайство о возврате здания общине было отказано с указанием на то, что в г. Барнауле ощущается острая нехватка помещений [22. Л. 81 об.].

Интересно отметить, что в результате контроля за религиозными организациями, согласно статистическим данным, число верующих мусульман на 15 сентября 1925 г. насчитывалось в г. Барнауле – 191 человек, в Барнаульском уезде – 272, в Бийском – 63 и Рубцовском – 294 человека соответственно [22. Л. 78]. Примечательно, что предписания государственных органов существенно ограничивали возможности по организации культовых собраний, поскольку число верующих даже по официальным данным было больше, чем можно было одновременно собрать в одном месте для отправления религиозных культов. Такая ситуация связана как раз с тем, что жестко регламентировалось количество верующих при проведении собрания – не более 30 человек.

Обращая внимание на деятельность религиозных общин на Алтае, можно заметить, что ими были установлены более тесные контакты с государственными структурами, нежели с Центральным духовным управлением мусульман, как это было в дореволюционный период. Осуществлять культовую деятельность местные религиозные организации могли только с разрешения местных государственных органов, как и деятельность самого Духовного управления осуществлялась только под контролем правительства.

Особое внимание правительство уделяло национальному образованию. 16 октября 1918 г. ВЦИК утверждает «Декрет о единой трудовой школе РСФСР» [23]. Данный документ стал основой построения системы народного образования в Советском государстве. В рамках реформирования школьной системы образования 31 октября 1918 г. Народным комиссариатом просвещения было принято Постановление «О школах национальных меньшинств» [24]. Согласно данному Постановлению, все национальные меньшинства на территории РСФСР имеют право на обучение на родном языке. Однако во всех национальных школах предполагалось введение обязательного изучения языка преобладающего по численности населения данной территории. Организации национальных школ способствовали сформированные в 1920 г. отделы по делам национальностей при Сиббюро ЦК РКП (б). В феврале 1921 г. создается Совет по просвещению национальных меньшинств при Коллегии Наркомпро-

са, который должен был защищать интересы национального школьного образования [25].

Безусловно, в мусульманской среде национальное и конфессиональное образование являлось неразделимым, и до середины 1920-х гг. правительство выражало некоторую лояльность в отношении мусульманских учебных заведений. Так, 9 июня 1924 г. Постановление Президиума ВЦИК РСФСР разрешало преподавание мусульманского вероучения в мечетях. Однако уже 28 мая 1928 г. Президиум ЦИК СССР, по предложению Политбюро ЦК ВКП(б), отменил закон ВЦИК 1924 г., в результате чего духовные школы прекратили свое существование [10].

Особый интерес со стороны правительства к системе школьного образования в традиционной этнической среде обусловлен исторически сложившейся тесной связью системы мусульманского образования с религиозными устоями. К тому же в первые годы советской власти большевикам приходилось опираться на мусульманское духовенство и учителей мусульманских школ с целью регулирования государственно-конфессиональных отношений. Именно их авторитет зачастую помогал сдерживать антисоветские выступления. К тому же все восстания, вспыхивающие в первые годы советской власти, в которых отмечалось участие мусульман, носили поликонфессиональный и полиэтнический характер. Такие восстания были вызваны недовольством социально-экономической политикой нового политического режима [26]. Не обошли стороной данные восстания территорию Западной Сибири. Ярким примером тому может служить Ишимское восстание 1921 г. [8].

Центральное духовное управление мусульман всячески стремилось отстаивать права верующих мусульман на образование и ведение культовых действий. Так, 13 сентября 1922 г. было направлено ходатайство к Народному комиссариату по делам национальностей с просьбой дать распоряжение местным органам власти, запрещающее закрывать по самоличному усмотрению местных властей мектебе и медресе. Кроме того, в ходатайстве указывалось и на необходимость отменить преследования за обучение догматам ислама на дому и в мечетях. Центральное духовное управление мусульман также просило разрешение на использование помещений общегражданских школ для преподавания основ вероучения всем желающим [27].

Следует подчеркнуть, что до конца 1920-х гг. мульты оставались центром не только духовной, но и социальной жизни мусульманской общины. В связи с этим, чтобы оставаться максимально привлекательным политическим режимом, правительство большевиков идет на последние уступки в отношении мусульман и в 1924 г. декретом ВЦИК разрешается учебный процесс в религиозных школах при мечетях [26]. При этом наряду с конфессиональным образованием с 20-х гг. XX в. в Сибири начинает формироваться система национального образования. Постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств» 1918 г.

позволило формировать школы по национальному признаку с обучением на родном (т.е. этническом) языке [28. С. 268].

В отчете подотдела национальных меньшинств уездных отделов народного образования за 1921 г. сообщалось, что в деятельности данного органа были заинтересованы и сами местные мусульманские общины. При подотделе по инициативе мусульман было образовано культурно-просветительское общество, в составлении устава которого немаловажную роль сыграл сам государственный орган. Примечательно, что заведующий подотделом неоднократно посещал собрания данного общества, что свидетельствовало об особом внимании власти к этноконфессиональным процессам в регионе. Культурно-просветительское общество в свою очередь рекомендовало своего представителя-инструктора в губернский подотдел национальных меньшинств, который закончил татарскую учительскую семинарию. Кроме того, сообщалось, что на заседание совета просвещения национальных меньшинств, состоявшегося 29 сентября 1921 г., постановили определить степень развития учителей из мусульман и назначить их в советские школы [29. Л. 1, 6 об.].

Преподавание основ мусульманской религии оставалось неотъемлемой частью программы национальных школ в первые годы советской власти. По данному вопросу от 19 сентября 1922 г. Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР было вынесено постановление, по которому государство допускало существование богословских школ за счет добровольных пожертвований. Кроме того, по этому документу разрешалось преподавание в мечетях и частных домах. Относительно же возможности преподавания мусульманского вероучения в помещениях общегражданской школы во внеурочные часы указывалось, что это доступно только с разрешения ЦИК, исполкома и ревкома для всех желающих [10].

Нужно подчеркнуть, что с момента установления советской власти в Сибири национальное образование продолжало свое развитие. Практически во всех татарских селениях действовали национальные школы, где обучение велось на родном языке. Среди всех мусульманских народов следует отметить, что именно татары имели самую развитую систему школьного образования, которая сложилась в России еще в имперский период [30]. Не последнюю роль в этом сыграл именно ислам. В этом отношении отметим следующие тенденции по Алтаю. Так, если в 1919 г. в Алтайской губернии существовало 5 татарских школ, то в 1920/21 учебном году их было уже 11. К концу 1920-х гг. количество татарских школ и учащихся в них было следующим: в Бийском округе в 1925/26 учебном году – 1 школа с 50 учащимися, а в 1926/27 учебном году – 2 школы с 90 учениками. Барнаульский округ в тот же период имел две школы и 65 учеников (1925/26 учебный год), а в следующем году – две школы и 108 школьников. В Рубцовском округе работала одна

школа, в которой в 1925–1926 учебном году обучались 32 ребенка, а в 1926/27 гг. – 48 человек. В Каменском округе в 1925/26 учебном году действовала одна школа, в которой обучались 85 человек, а на следующий год остались 67 учащихся [31].

Несмотря на заметный прирост в системе национального школьного образования, с 1923 г. советское правительство начинает применять меры по ликвидации конфессиональных школ Центрального духовного управления мусульман. Не случайно Центральное духовное управление мусульман в своей Докладной записке от 26 марта 1923 г. указывало на то, что в запрете на преподавание основ вероисповедания, мусульманские народности усмотрели явное притеснение религиозного характера [26].

Следует отметить, что меры по закрытию конфессиональных школ постепенно стали носить в регионе поступательный характер. В частности, подотделом национальных меньшинств губернского народного образования 1921 г. был сделан запрос отчета о деятельности и количестве национальных школ, имеющих в губернии. На данный запрос был дан ответ, что в губернии имеются татарские национальные школы: одна первой ступени, и две – двухклассные [15. Л. 4 об.]. Ранее подотдел национальных меньшинств губернского народного образования в 1920 г. предлагал заполнить четыре анкеты на учителей второй мусульманской школы, находящейся в районе микрорайона «Сад-города» (восточная часть). Согласно заполненной анкете, должность учителя при этой школе занимал с 15 декабря 1920 г. М.Н. Ваисов. При этом никаких данных о его образовании не сообщалось [Там же. Л. 90–90 об.].

В начале 20-х гг. XX в. Совет национальных меньшинств активно учувствовал в образовательной и воспитательной деятельности мусульманских учебных заведений. Согласно архивным данным, учителя мусульманской школы № 40, а также сотрудники мусульманского детского дома № 5 г. Барнаула назначались отделом национальных меньшинств [32. Л. 10–11]. В 1921 г. по поручению подотдела национальных меньшинств была проведена проверка школ № 39 и 40 г. Барнаула, которые считались татарскими школами первой ступени. По результатам проверки было выявлено, что школа № 40, находящаяся в жилом комплексе «Город-сад» (восточная часть), занимала помещение из двух комнат, в которых велись занятия с 9 часов утра и до 13 часов дня. Все обучение осуществляли два школьных работника, а самих учеников насчитывалось 72 человека. При этом важно отметить, что русский язык в данной школе вообще не преподавался. Кроме того, у школы № 40 не было своего школьного совета. Правда, существовал объединенный совет школ № 39 и 40, но он не был в полной мере организован. В школе № 40 так же не было человека, который бы занимался доставкой продуктов, поэтому ученики питались недостаточно хорошо, преимущественно в сухоматку. Более того, в школе не хватало в достаточном количестве

учебных пособий, а элементарных школьных принадлежностей – карандашей и бумаги, вообще не было. Важно также, что учащиеся в силу сложной обстановки в стране испытывали острую потребность в обуви и одежде. Заключение проверяющих сводилось к тому, что далее данная школа в таком плачевном состоянии в занимаемом помещении существовать не может. Однако подходящего нового здания для школы найти не представлялось возможным. Вторая школа № 39 находилась на Сузунской улице (дом № 38). Она состояла из двух комнат, одна из которых служила местом проживания учительницы и сторожихи. Полноценного школьного коллектива учебное заведение не имело [33. Л. 21–21 об.].

Не менее сложная ситуация с национальными школами была и в других населенных пунктах Алтая. Так, в отчете подотдела национальных меньшинств уездных отделов народного образования за 1921 г. сообщалось, что в Змеиногорске существует татаро-киргизская школа 1-й ступени. При этом исполнительного совета при ней нет. Более подробных сведений о деятельности школы в документах не сохранилось. В документах также кратко отмечается, что была еще татаро-киргизская школа в Алексеевской волости. Однако конкретных сведений по ней не было предоставлено в подотдел, так как учитель выехал на курсы и подготовить информацию по запросу было просто некому [29. Л. 25]. В Алтайской губернии в 1921 г. существовало еще Мусульманское культурно-просветительское общество, которое вело активную работу с подотделами национальных меньшинств и даже рекомендовало своего представителя-инструктора, окончившего татарскую учительскую семинарию, в губернский подотдел [Там же. Л. 6а об.].

В 1924 г. постановлением Президиума ВЦИК была разработана инструкция по вопросу преподавания основ мусульманского вероучения. Согласно инструкции, преподавание можно было вести только в мечетях. При этом нужно было обязательно все согласовать с уездным, губернским и областным исполкомом. В документе подчеркивалось, что преподавание основ мусульманского вероучения возможно только для лиц, достигших 14-летнего возраста и окончивших школу 1-й ступени. Преподавание вероучения непосредственно в национальных школах запрещалось. При этом групповые занятия на религиозные темы в мечетях не должны были рассматриваться как организация специальной школы. При мечетях также запрещалось преподавание общеобразовательных предметов, а обучение должно было вестись в свободные от школьных занятий дни [10].

В середине 20-х гг. XX в. отмечается существенное изменение в политике государства в отношении мусульманских народов России. В результате проводимых правительством мер согласно Записке Восточного отдела ОГПУ «О мерах борьбы с мусульманством», направленной в октябре 1926 г. в Антирелигиозную комиссию при ЦК ВКП(б), запрещалось открытие религиозных школ. Кроме того, запрещались любые кур-

сы по подготовки мулл, что фактически в перспективе приводило к кадровой проблеме [26].

В 1927 г. Центральное духовное управление мусульман обращается ко всем мусульманам страны с опровержением обвинения в политизации преподавания религии. В обращении особое внимание уделялось тому, что преподавание основ веры велось в соответствии с советским законодательством. Несмотря на все попытки отстоять возможность преподавания мусульманской догматики в стенах мечети, Президиум ЦИК РСФСР вынес Постановление от 28 мая 1928 г. о запрете преподавания мусульманских догматов. В том же году был прекращен выпуск журнала Центрального духовного управления мусульман «Ислам маджалласы» и отклонена просьба муфтия Ризаэтдина Фахреддина об открытии медресе в Уфе [9].

Искоренение мусульманской культуры, а вслед за ней и вероучения, привело в августе 1929 г. к изданию Постановления ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза СССР», согласно которому все мусульманские народы обязаны были перевести всю свою письменность на латиницу [28. С. 269]. Кроме того, важным моментом в государственной политике стал закон о религиозных объединениях 1929 г., который оформил административные методы борьбы с религией. После этого начинаются уже массовое изъятие культовых зданий и ликвидация конфессиональных учебных заведений [16. С. 130; 34].

Таким образом, следует отметить, что политика правительства в отношении религиозной и культурной жизни мусульманских народов в первые годы советской власти носила сложный и порой противоречивый характер. С одной стороны, правительством принимались законы, разрешающие религиозные собрания и преподавание основ мусульманской веры. С другой стороны, наблюдается активное вмешательство в религиозную жизнь общин. Государственными органами назначались даты собраний и ответственные лица за их проведение. При этом согласовывалась даже цель религиозного собрания. Правительством предписывалось местным государственным органам осуществлять сохранение культового имущества, а также следить за его использованием. Система школьного образования, которой мусульмане уделяли особое внимание, также не осталась в стороне от вмешательства со стороны государства. Утверждение школьных учителей считалось одной из главных задач подотдела национальных меньшинств. Укрепление советской власти привело к полному подчинению мусульманских общин государству и лишению их неотъемлемой свободы вероисповедания. Начиная с конца 20-х гг. XX в. правительство переходит к репрессивным мерам искоренения всех религиозных представлений в общественной среде. Атеистическая пропаганда с этого времени начинает распространяться и на народы Сибири, исповедовавших ислам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2015. V. 36, is. 2. P. 338–346.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–1929.
3. Алов А.А., Владимиров Н.Г. Ислам в России. М., 1996.
4. Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): институты, идеи, люди. Н. Новгород: Медина, 2010.
5. Ярков А.П. Джадидизм в Западной Сибири: попытка культурологического анализа // *Топос. Литературно-философский журнал*. 05.04.2004. URL: <http://www.topos.ru/article/2216> (дата обращения: 14.01.2016).
6. Густерин П.В. Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917–1921 гг. // *Вопросы истории*. 2010. № 1. С. 92–100.
7. Ислам и советское государство. Выпуск 1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д.Ю. Арапова и Г.Г. Косача. М., 2010.
8. Кабдулвахитов К., Ярков А., Гарифуллин И. Мусульманский аспект в сибирских восстаниях // *RepresNews*. 16.02.2011. URL: http://represnews.blogspot.ru/2011/02/blog-post_3833.html (дата обращения: 12.11.2016).
9. Силантьев Р.А. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. М.: Рема, 2010.
10. Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011.
11. Макеудов С. Миграции в СССР в 1926–1939 годах // *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. 1999. Vol. 40, № 4. P. 763–796.
12. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 10.
13. ГAAK. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 5.
14. ГAAK. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 14.
15. ГAAK. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 21.
16. Сокова З.Н. Власть и ислам в 1920-е годы // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2003. № 3. С. 126–130.
17. Гусева Ю.Н. Объединительные тенденции в деятельности Центрального духовного управления мусульман в 1920-е гг. // *Гасырлар авазы*. 2013. № 1-2 (70-71). С. 50–55.
18. ГAAK. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 1.
19. Кубанова Ф.М. Советский период истории ислама в России // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2008. № 13. С. 55–61.
20. ГAAK. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 61.
21. Сокова З.Н. Мусульмане Западной Сибири в первые годы советской власти // *Уральское востоковедение*. 2011. Вып. 4. С. 181–186.
22. ГAAK. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 11.
23. Декрет о единой трудовой школе РСФСР // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm (доступ от 16.12.2016).
24. Постановление «О школах национальных меньшинств» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_386.htm (доступ от 16.12.2016).
25. Ултургашева О.Г., Карамчаков А.Н. Из истории становления непрерывного национального образования коренных народов Саяно-Алтайского региона (1830–1930) // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2013. № 22. С. 66–74.
26. Сениоткина О.Н., Гусева Ю.Н. Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей). М.; Н. Новгород: Медина, 2013.
27. Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Общественное движение мусульман-татар: итоги и перспективы. Н. Новгород: Махинур, 2005.
28. Колокольникова З.У., Шакиров И.Ш. Национальная татарская школа в Приенисейской Сибири в 20-е годы XX века // *Успехи современного естествознания*. 2014. № 12, вып. 3. С. 268–272.
29. ГAAK. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 20.
30. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX вв. // *Известия Алтайского государственного университета*. Сер. История, политология. 2011. № 4/1. С. 68–71.
31. Борзенко И.Л., Ултургашева О.Г. Формирование национальной школы тюркских народов саяно-алтайского региона в 1920-е г. // *Сибирский педагогический журнал*. 2005. № 5. С. 120–130.
32. ГAAK. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 22.
33. ГAAK. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 13.
34. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. // *Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР*. Т. 2: 1929–1939. М., 1959. С. 29–45. URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&l=ru&object=translation (дата обращения: 15.11.2016).

Dashkovskiy Petr K. Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

Shershneva Elena A. Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: D2703@yandex.ru

THE POSITION OF MUSLIM COMMUNITIES IN ALTAY IN THE EARLY SOVIET YEARS

Keywords: Muslim community; public policy; Western Siberia; Altai.

The purpose of this article is to show the results of the studding of the situation of Muslim communities in the territory of the Altai in the context of state-confessional policy in the first years of Soviet power.

In connection with the intended purpose, the following tasks were set: to consider of the relationship of the government to Muslim religious education on the territory of the Altai; to nalyze the principles of the formation of the Muslim congregations in the region, studying the attitude towards them by the provincial authorities.

A methodological basis of the article is the principles of historicism, objectivity and determinism, which involves a comprehensive critical analysis of historical processes underlying the legal status and functioning of Muslim communities in the Altai region in the first years of Soviet power.

This article was prepared on the analysis of normative-legal acts and archival materials reflecting the peculiarities of Muslim communities in the Altai in 1918 – early 1920s. In the course of the study the authors came to the following conclusions that the policy of the state in the 1920s in relation to Muslim peoples was very complex and had contradictory character. Since 1918 the Bolsheviks government had taken the course towards consolidation of ethnic groups who lived on the territory of the state. This government policy could not neglect Muslim people who lived in Altai area. In 1920, Altai Region (Gubernia) Department for Nationalities was established. The responsibilities of the department included collection of statistical data of Altai Region's population as well as eradicating illiteracy among national minorities.

In the 1920s, the government started paying special attention to the system of national education. In the early 1920s, the council for national minorities took part in educational activity of Muslim schools by appointing teachers and instructors and by inspecting educating practice. However, regardless many achievements of Muslim communities in education, the government started to abolish denominational schools in

1923. In the first years of the Soviet power the Bolsheviks were eager to demonstrate their loyalty to Muslim communities in Russia. Muslims were even allowed to participate in the World Muslim Congress in Saudi Arabia. Moreover, the government declared preferential registration of religious communities that had not been registered yet. But there was an obligation to inform the local department of the State Political Directorate and militia (Soviet police service) about any performance of religious rites pointing out the exact date and place of the performance. This fact is proved by the archive documents reflecting the life of Muslim communities in Altai.

In conclusion, the government policy towards people of Islam confession was rather sophisticated and contradictory in the 1920s. The laws adopted in the early Soviet years allowed to hold religious meetings and to teach the basics of Muslim dogma at school. At the same time the life of Muslim communities was strongly interfered by the government. In the mid-1920s the government adopted repressive policies aimed at eradicating the religious worldview in Muslim communities. They started to abolish religious schools; and teaching of the foundations of the Muslim religion was transferred to the mosques. Later, in 1928, teaching of Muslim dogma was completely abolished by the Presidium of the Central Executive Committee of the Soviet Union.

REFERENCES

1. Dashkovskiy, P.K. & Shersheva, E.A. (2015) The Russian Government's Policy on Control over the Religious Life of Moslem Communities within Western Siberia between the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. *Byle Gody*. 36(2). pp. 338–346. (In Russian).
2. The Soviet Union. (1928–1929) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [All-Union Census of 1926]. Moscow: CSU of the USSR.
3. Alov, A.A. & Vladimirov, N.G. (1996) *Islam v Rossii* [Islam in Russia]. Moscow: Institut Naslediya.
4. Khabutdinov, A.Yu. (2010) *Istoriya Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya (1788–1917): instituty, idei, lyudi* [The history of the Orenburg Mohammedan spiritual collection (1788–1917): institutions, ideas, people]. Nizhny Novgorod: Medina.
5. Yarkov, A.P. (2004) Dzhadidizm v Zapadnoy Sibiri: popytka kul'turologicheskogo analiza [Jadidism in Western Siberia: an attempt at cultural analysis]. *Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal*. [Online] Available from: <http://www.topos.ru/article/2216>. (Accessed: 14th December 2016).
6. Gusterin, P.V. (2010) Politika Sovetskogo gosudarstva na musul'manskom Vostoke v 1917–1921 gg. [The Soviet policy in the Muslim East in 1917–1921]. *Voprosy istorii*. 1 pp. 92–100.
7. Arapov, D.Yu. & Kosach, G.G. (2010) *Islam i sovetskoe gosudarstvo* [Islam and the Soviet State]. Moscow: Mardzhani.
8. Khabdulvakhitov, K., Yarkov, A. & Garifullin, I. (2011) Musul'manskiy aspekt v sibirskikh vosstaniyakh [The Muslim aspect in the Siberian uprisings]. *RepresNews*. 16th February. [Online] Available from: http://represnews.blogspot.ru/2011/02/blog-post_3833.html. (Accessed: 12th November 2016).
9. Silantev, R.A. (2010) *Musul'manskaya diplomatiya v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Muslim diplomacy in Russia: history and modernity]. Moscow: Rema.
10. Mukhetdinov, D.V. & Khabutdinov, A.Yu. (2011) *Islam v Rossii v XVIII – nachale XXI vv.: modernizatsiya i traditsii* [Islam in Russia in the 18th – early 21st centuries: modernization and traditions]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
11. Maksudov, S. (1999) Migratsii v SSSR v 1926–1939 godakh [Migrations in the USSR in 1926–1939]. *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. 40(4). pp. 763–796.
12. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 10.
13. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 5.
14. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 14.
15. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 21.
16. Sokova, Z.N. (2003) Vlast' i islam v 1920-e gody [Power and Islam in the 1920s]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – UT Research Journal*. 3. pp. 126–130.
17. Guseva, Yu.N. (2013) Ob'edinitel'nye tendentsii v deyatelnosti Tsentral'nogo dukhovnogo upravleniya musul'man v 1920-e gg. [Unifying trends in the activities of the Central Spiritual Administration of Muslims in the 1920s]. *Gasyrlar avazy*. 1-2 (70-71). pp. 50–55.
18. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-531. List 1. File 1.
19. Kubanova, F.M. (2008) Sovetskiy period istorii islama v Rossii [The Soviet period in the history of Islam in Russia]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 13. pp. 55–61.
20. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-531. List 1. File 61.
21. Sokova, Z.N. (2011) Musul'mane Zapadnoy Sibiri v pervye gody sovetskoy vlasti [Muslims of Western Siberia in the early Soviet years]. *Ural'skoe vostokovedenie – Ural Survey of Oriental Studies*. 4. pp. 181–186.
22. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-531. List 1. File 11.
23. The USSR. (n.d.) *Dekret o edinoy trudovoy shkole RSFSR* [Decree on the Unified Labour School of the RSFSR]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm. (Accessed: 16th December 2016).
24. The USSR. (n.d.) *Postanovlenie "O shkolakh natsional'nykh men'shinstv"* [Decree "On the schools of national minorities"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_386.htm. (Accessed: 16th December 2016).
25. Ulturgasheva, O.G. & Karamchakov, A.N. (2013) Yurta as a Guardian of the Traditional Rites of Nomadic People of Asia (on the Analysis of the Khakass Yurta). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 22. pp. 66–74. (In Russian).
26. Senyutkina, O.N. & Guseva, Yu.N. (2013) *Musul'mane Srednego Povolzh'ya v tiskakh repressivnoy politiki sovetskoy vlasti (na materialakh Nizhegorodskoy i Samarskoy oblastey)* [Muslims of the Middle Volga region in the grip of the repressive policy of the Soviet government (on the materials of the Nizhny Novgorod and Samara regions)]. Moscow; Nizhny Novgorod: Medina.
27. Khabutdinov, A.Yu. & Mukhetdinov, D.V. (2005) *Obshchestvennoe dvizhenie musul'man-tatar: itogi i perspektivy* [Social movement of Muslim Tatars: results and prospects]. Nizhny Novgorod: Makhinur.
28. Kolokolnikova, Z.U. & Shakirov, I.Sh. (2014) The organization of educational work during formation of the Soviet State (a case study of museum work). *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya – Advances in Current Natural Sciences*. 12(3). pp. 268–272. (In Russian).
29. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 20.
30. Dashkovskiy, P.K. & Shersheva, E.A. (2011) Muslim Education in the West Siberia in the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4(1). pp. 68–71. (In Russian).
31. Borzenko, I.L. & Ulturgasheva, O.G. (2005) Formirovaniye natsional'noy shkoly tyurkskikh narodov sayano-altayskogo regiona v 1920-e g. [Formation of the national school of the Turkic peoples of the Sayan-Altai region in the 1920s]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 5. pp. 120–130.
32. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 22.
33. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 13.
34. The Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR. (1959) *Postanovlenie VTSIK i SNK RSFSR "O religioznykh ob'edineniyakh"* ot 8 aprelya 1929 g. [Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On Religious Associations" of April 8, 1929]. In: Boldyrev, V.A. (ed.) *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovleniy Pravitel'stva RSFSR. 1929–1939* [Chronological Collection of Laws, Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and Resolutions of the Government of the RSFSR]. Vol. 2. Moscow: Gosyurizdat. pp. 29–45. [Online] Available from: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&l=ru&object=translation. (Accessed: 15th November 2016).